C 14
230
3A 1872

С 14
230.

ОБОЗРѢНІЕ

ПОЛЬСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

за 1872 г.

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ.

(Извлечено изъ «Судебн. Журн.» кн I и II за 1874 годъ).

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 іюня 1874 г.

В. МИКЛЯШЕВСКІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Думашевскаго, Литейная, д. Деноера, № 13.
1874.

2007043235

ОБОЗРѢНІЕ

ПОЛЬСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

за 1872 г.

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ.

Хотя библіографическіе указатели польской литературы за 1872 г. несравненно полнѣе указателей за 1871 г ,—хотя, кромѣ исчисленныхъ нами въ обозрѣніи за 1871 г. изданій «Warszawski Rocznik Literacki, poświęcony literaturze, oświacie, bibliografii i księgarstwu», подъ редакіею Станислава Чарновскаго за 1872 г.,—Nadsiś, pismo zbiorowe. III томъ. Краковъ 1872 г. и каталоговъ, печатанныхъ книгопродавцами, — вышли еще: *Estreicher*. «Bibliografia polska XIX stulecia. Wydanie kommissyi bibliograficznej przy C. K. Akademii Umiejetności. Краковъ 1873 г.» и «Prtóka statystyki piśmiennictwa polskiego», помѣщенная въ газетѣ, «Wiek» за 1873 г. №№ 69, 70, 73, 75, 76,—хотя нѣкоторыя періодическія изданія, к. н. «Niwa», помѣщаютъ довольно полныя библіографическія замѣтки,—не смотря, однако, на все это—установить съ точностью общую цифру публикацій за 1872 г. мы не можемъ Въ каждомъ изъ сказанныхъ изданій упоминаются публикаціи, не обозначенныя въ другихъ, и общая цифра въ каждомъ изъ нихъ различна. «Варшавскій Ежегодникъ», напр. обозначаетъ цифру публикацій въ 1871 г. на 681, а въ 1872 г. на 899; «Na dziś» опредѣляетъ общую цифру изданій въ 1871 г. на 749, «Wiek», въ 1872 г. указываетъ, кромѣ 107 періодическихъ изданій, 750 сочиненій въ 835 томахъ, между тѣмъ какъ и Эстрайхеръ въ своей библіографіи обозначаетъ общую цифру изданій за 1871, 1872, по 1-ое Апрѣля 1873 г. суммою 3,160, изъ которыхъ на 1871 и 1872 г. приходится 2700 публикацій. Ни одна, однако, изъ этихъ цифръ не можетъ быть признана вѣрною или полною, такъ какъ въ каждый изъ библіографическихъ указателей вошли тѣ только публикаціи, которыя были извѣстны или доступны составителю списка. Этимъ объясняется что по Эстрайхеру въ Галиціи вышло несравненно болѣе публикацій, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ, между тѣмъ, какъ по варшавскимъ указателямъ отношеніе это совершенно противуположно.

Эстрайхеръ объявляетъ, что по его библіографіи 1392 публикаціи было издано въ Галиціи и Силезіи, 347 въ княжествѣ Познанскомъ и западной Пруссіи, 960 въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ, 171 за границею. Между тѣмъ «Wiek» замѣчаетъ, что въ Царствѣ Польскомъ въ 1872 г. издано 367 сочиненій, въ Австріи 278, въ Пруссіи 78, въ другихъ мѣстностяхъ 27, итого 750 сочиненій, состоящихъ изъ 835 томовъ.

Такія же различія мы встрѣчаемъ и въ отношеніи общей цифры сочиненій по отдѣлу правовѣдѣнія. Эстрайхеръ насчиталъ 370 такихъ изданій, изъ которыхъ 150 приходится на 1872 г.; между тѣмъ Варшавскій Ежегодникъ обозначаетъ только 44 публикаціи, а «Wiek» замѣчаетъ, что въ 1872 г. было опубликовано: юридическихъ сочиненій, изданныхъ въ Царствѣ Польскомъ—13, изданныхъ въ Австріи—9, въ другихъ мѣстностяхъ—1; экономическихъ сочиненій, изданныхъ въ Царствѣ Польскомъ—9, въ Австріи—3; сочиненій политическаго содержанія, изданныхъ въ Царствѣ Польскомъ—2, въ Австріи—2; итого 39 сочиненій, состоящихъ изъ 43 томовъ.

Не считая покамѣстъ возможнымъ удовлетворительно разрѣшить вопросъ о количествѣ публикацій, составляющихъ польскую литературу за 1872 г., мы остановимся на приведеніи вышеуказанныхъ числовыхъ данныхъ и по примѣру прошлаго года представимъ нашимъ читателямъ краткій отчетъ о книгахъ и статьяхъ, составляющихъ польскую литературу уголовнаго права въ 1872 г. и затѣмъ назовемъ только важнѣйшія сочиненія, касающіяся другихъ отраслей законовѣдѣнія.

По важности избраннаго вопроса, по добросовѣстности и тщательности разработки, по серіозно-научному изложенію—первое мѣсто въ ряду книгъ, составляющихъ польскую юридическую литературу по уголовному праву въ 1872 г., занимаютъ два сочиненія:—«Zasady nauki o poczytaniu, zestawił, historycznie i krytycznie objasnił D-r Aleksander Bojarski, Professor Uniwersitetu Jagiellonskiego Kraków 1872. (Начало ученія о вмѣненіи, составилъ Д-ръ Александръ Боярскій, профессоръ Ягеллонскаго университета) и «Moc prawna dowodu ze świadków w postępowaniu karném przez Józefa Ostrowskiego. Rozprawa, napisana dla pozyskania stopnia kandydata prawa Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego. Berlin. 1872». (Законная сила свидѣтельскихъ показаній въ уголовномъ судопроизводствѣ. Іосифа Островскаго. Диссертація, представленная для полученія степени кандидата въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Берлинъ. 1872.)

Указавъ въ предисловіи на мотивы, побудившіе его къ разработкѣ вопроса о вмѣненіи, а именно: матеріалистическое направленіе, отрицающее существованіе свободной воли, неудовлетворительность постановленій различныхъ законодательствъ по этому

вопросу, неустойчивость польской терминологіи,—и на желаніе содѣйствовать устраненію этихъ недостатковъ разработкою этого, въ теперешнее время, самаго важнаго вопроса въ уголовномъ правѣ, Боярскій раздѣлилъ свое сочиненіе на двѣ части:—общую и особенную.

Первую часть Боярскій начинаетъ съ историческаго очерка ученія о вмѣненіи, въ которомъ онъ замѣчаетъ, что въ древности это ученіе не существовало, что только христіанство вводитъ его основанія, которыя начали осуществляться въ каноническомъ правѣ и стали развиваться съ примѣненія философіи Канта знаменитымъ криминалистомъ Фейербахомъ. Затѣмъ, установивъ философское понятіе свободы воли, онъ разсматриваетъ различныя теоріи, отрицающія свободу воли, и сочиненія главнѣйшихъ представителей этого направленія. Далѣе, установивъ понятіе вмѣняемости, объяснивъ предполагаемую имъ новую терминологію, Боярскій, согласно съ Бернеромъ («Lehrbuch» 1871 г. стр. 116), обусловливаетъ вмѣняемость: самосознаніемъ (Selbstbewusstsein), сознаніемъ внѣшняго міра (Bewusstsein der Aussenwelt) и сознаніемъ обязанностей (Pflichtbewusstsein), и, указавъ на то, что только человѣкъ способенъ совершить преступленіе, т. е. что только человѣку содѣянное можетъ быть вмѣнено въ вину, онъ объясняетъ подраздѣленіе причинъ невмѣняемости и невмѣненія, которое положено въ основаніе всего дальнѣйшаго изложенія. Затѣмъ авторъ разсматриваемаго нами сочиненія приводитъ три главные метода вывода понятія вмѣняемости и разсматриваетъ теоріи Бернера («Grundlinien der criminalistischen Imputationslehre. Berlin 1843».—«Lehrbuch des deutschen Strafrechtes. Leipzig 1857».—«Grundsätze des preussischen Strafrechtes Leipzig 1861»), Гейба («Lehrbuch des deutschen Strafrechtes» 1862 § 70) и Вальберга («Das Princip der Individualisirung in der Strafrechtspflege» Wien 1869) Далѣе, онъ опредѣляетъ существо и границы вмѣняемости, полагая, что понятіе неполной вмѣняемости (verminderte Zurechnungsfähigkeit) лишено всякаго основанія. Наконецъ, въ заключеніи первой части своего сочиненія, Боярскій старается доказать, что рѣшеніе медицинскаго вопроса о невмѣняемости обязательно для суда, который, однако, долженъ предварительно разсматривать вопросъ о вмѣняемости въ данномъ случаѣ и, въ сомнительныхъ случаяхъ, обращаться за мнѣніемъ къ врачамъ-экспертамъ, сообщая имъ всѣ необходимыя для нихъ свѣдѣнія, касающіяся изслѣдуемаго дѣла и лица обвиняемаго.

Вторую часть своего сочиненія Боярскій дѣлитъ на три раздѣла и въ первомъ изъ нихъ, въ трехъ отдѣлахъ, разсматриваетъ причины невмѣняемости. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ онъ говоритъ о состояніяхъ, въ которыхъ человѣкъ не пріобрѣлъ еще свободы воли, т. е. о малолѣтствѣ. Разсмотрѣвъ постановленія рим-

скаго, каноническаго, древне-германскаго и древне-польскаго права, касающіяся этого вопроса, а преимущественно подвергнувъ разбору положенія австрійскаго кодекса и уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1847 г., имѣющаго обязательную силу въ Царствѣ Польскомъ, онъ приходитъ къ заключенію, что законодательства должны обозначать три періода малолѣтства, а именно:

а) періодъ безусловной неотвѣтственности, обозначеніе котораго зависитъ отъ климатическихъ и общественныхъ условій каждаго народа;

б) періодъ относительной отвѣтственности, въ которомъ судья долженъ прежде всего опредѣлить, дѣйствовалъ ли виновный сознательно и, наконецъ,

в) періодъ безусловной отвѣтственности, въ которомъ человѣкъ *обыкновенно* отвѣчаетъ за содѣянное имъ.

О престарѣлости и глухонѣмотѣ Боярскій говоритъ ниже, не считая возможнымъ зачислить эти причины невмѣняемости въ эту категорію.

Второй отдѣлъ перваго раздѣла посвященъ объясненію тѣхъ состояній, въ которыхъ свобода человѣка временно уничтожена, а именно:

а) Порывы (Gemüthstaumel), которые Боярскій желаетъ строго отличать отъ сильныхъ волненій ума (Gemüthsbewegungen). Хотя Боярскій и сознаетъ, что точныхъ научныхъ границъ между этими понятіями установить невозможно, но все-таки критеріумомъ этого различія онъ считаетъ: причину, вызвавшую умственное волненіе; обстоятельства, сопутствующія дѣянію, и свойства самаго дѣянія; умственныя свойства дѣйствующаго и, наконецъ, его поведеніе послѣ совершенія дѣянія. Порывы онъ считаетъ причиною, исключающею отвѣтственность лица, сильныя волненія ума—обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину, а въ сомнительныхъ случаяхъ даже исключающею отвѣтственость, по началу *in dubiis in mitius*.

б) Сонъ, сонность, сомнамбулизмъ,—оцѣнку которыхъ Боярскій оставляетъ за психіатрами-спеціалистами, возлагая на судью обязанность руководствоваться ихъ мнѣніемъ.

в) Опьяненіе, въ отношеніи котораго, разсмотрѣвъ постановленія различныхъ законодательствъ, начиная съ римскаго, и мнѣнія ученыхъ,—указавъ на обязанность государства противодѣйствовать распространенію пьянства и на новѣйшія по этому предмету постановленія во Франціи и въ Англіи, авторъ разсматриваемаго нами сочиненія высказываетъ мнѣніе, что полное опьяненіе исключаетъ сознаніе, а потому и отвѣтственность.

г) Временныя болѣзненныя состоянія. Боярскій зачисляетъ здѣсь и свѣтъ луны, которая въ извѣстныхъ обстоятельствахъ очень вредно дѣйствуетъ на человѣческій организмъ, но доволь-

ствуется замѣчаніемъ, что при оцѣнкѣ такихъ состояній свѣдущими могутъ быть только врачи-эксперты, отъ которыхъ судья можетъ требовать возможно-точнаго мнѣнія, составляющаго основаніе судебнаго рѣшенія.

Наконецъ третій отдѣлъ разсматриваемаго нами раздѣла посвященъ объясненію состояній, которыя лишаютъ свободы постоянно, а именно:

а) Душевныя болѣзни. Боярскій отвергаетъ мономаніи различныхъ названій, напр. Necrophiles, Mutomonomania, Logomania, Erotomania, Kleptomania, Pyromania и пр., а также amentia occulta и бѣшенство безъ бреда (mania sine delirio). Онъ требуетъ настойчиво, чтобы юристы, а въ особенности криминалисты, точно знакомились съ результатами естественныхъ наукъ, а преимущественно медицины. Далѣе, указавъ на дѣленія душевныхъ болѣзней различными ученіями, онъ принимаетъ дѣленіе проф. Гризингера, которое приводитъ подробно. Затѣмъ онъ старается опровергнуть вмѣняемость дѣяній, совершенныхъ во время свѣтлыхъ промежутковъ (lucida intervalla), и указываетъ на характеристическія черты, по которымъ можно разузнать притворныя душевныя болѣзни (simulatio). Наконецъ, онъ разсматриваетъ постановленія прежнихъ и новыхъ законоположеній по этому предмету и высказываетъ мнѣніе, что законодатель долженъ, въ теперешнемъ состояніи науки, довольствоваться только общимъ опредѣленіемъ этого предмета и избѣгать исчисленія формъ душевныхъ болѣзней, даже въ видѣ примѣровъ.

б) Недостатокъ чувствъ, а преимущественно зрѣнія, и глухонѣмота. Послѣдняя при отсутствіи образованія исключаетъ отвѣтственность.

Наконецъ Боярскій упоминаетъ здѣсь о престарѣлости и полной одичалости, которыя, по его мнѣнію, при извѣстныхъ условіяхъ тоже исключаютъ отвѣтственность.

Во второмъ раздѣлѣ второй части, подъ заглавіемъ: «Формальная сторона воли человѣка», Боярскій разсматриваетъ всѣ степени умысла и различныя его дѣленія, не упуская изъ виду и тѣхъ, которыя уже оставляются въ наукѣ, напр. dolus praemeditatus et impetus vel dolus repentinus, dolus determinatus et dolus indeterminatus, dolus alternativus et dolus eventualis, dolus directus et dolus indirectus, dolus antecedens concomitans et subsequens, dolus generalis et dolus specialis,—приводя въ оправданіе, что и эти дѣленія изощряютъ вниманіе судей и содѣйствуютъ справедливой оцѣнкѣ виновности.

Послѣдній, третій раздѣлъ, подъ заглавіемъ: «Осуществленіе человѣческой воли», Боярскій дѣлитъ на два отдѣла.

Въ первомъ изъ нихъ авторъ говоритъ о дѣяніяхъ, не подлежащихъ вмѣненію, а именно: по недостатку самаго дѣянія (cogita-

tionis poenam nemo patitur, delicta putativa), по недостатку воли (vis major, vis absoluta, vis compulsiva) и по недостатку связи между дѣйствіемъ и волею (error facti, aberratia actus vel ictus.) Въ эту категорію онъ не зачисляетъ: заблужденія по отношенію къ предмету (error in objecto, in persona), считая оное не имѣющимъ вліянія на наказуемость дѣянія, если поврежденный предметъ тѣхъ же свойствъ, которыми отличался намѣренный,—и незнанія закона (ignorantia seu error juris criminalis), потому что оно можетъ относиться только къ delicta juris civilis, а въ уложеніяхъ о наказаніяхъ должны быть обозначены только delicta juris naturalis. На счетъ вопроса, на сколько незнаніе закона можетъ освобождать отъ наказанія, Боярскій совѣтуетъ избѣгать въ уложеніи всякихъ опредѣленій и оставить рѣшеніе этого вопроса судьѣ, который, соображая обстоятельства изслѣдуемаго дѣла, разрѣшитъ его по совѣсти.

Во второмъ отдѣлѣ послѣдняго раздѣла, Боярскій говоритъ о дѣйствіяхъ ненаказуемыхъ и разсматриваетъ отвѣтственность дѣйствующаго въ случаяхъ: когда лице, на которомъ совершается дѣяніе, соглашается на оное (volenti non fit injuria) и когда общество лишило предметъ, на которомъ совершено дѣяніе, юридическихъ свойствъ; затѣмъ упоминаетъ о состояніи крайней необходимости и необходимой оборонѣ и заключаетъ свое сочиненіе указаніемъ на поводы, исключающіе наказаніе, а именно—смерть преступника, давность, помилованіе, примиреніе съ обиженнымъ и силу рѣшеннаго дѣла.

Добросовѣстный трудъ Боярскаго, хотя содержитъ въ себѣ не много новаго, но основанъ на тщательномъ изученіи литературы и законодательствъ по столь важному въ уголовномъ правѣ предмету, и составляетъ хотя краткое, но весьма полезное руководство для юристовъ, практиковъ и для изучающихъ уголовное право молодыхъ людей.

Іосифъ Островскій раздѣляетъ свое сочиненіе, «Законная сила свидѣтельскихъ показаній въ уголовномъ судопроизводствѣ. Берлинъ 1872 года» на 22 §§, изъ которыхъ первые пять объемлютъ введеніе, и объясняютъ слѣдующіе вопросы: о доказательствѣ вообще, о судебно-уголовномъ доказательствѣ, значеніе свидѣтельскихъ показаній вообще и судебнаго доказательства изъ свидѣтельскихъ показаній въ особенности, значеніе свидѣтельскихъ показаній въ уголовномъ и гражданскомъ судопроизводствѣ, краткій очеркъ историческаго развитія значенія свидѣтельскихъ показаній въ уголовномъ судопроизводствѣ.

Первый § авторъ начинаетъ съ вывода понятія правды и замѣчаетъ, что правда существуетъ независимо отъ того, сознаетъ ли ее человѣкъ или нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ она составляетъ существо предмета, въ первомъ же—согласіе убѣжденія субъ-

екта съ существомъ объекта (2 стр.) Убѣжденіемъ авторъ называетъ такое состояніе ума, въ которомъ субъектъ сознаетъ основанія, на которыхъ опирается правда. Такъ какъ основанія эти могутъ быть различной силы, то слѣдуетъ различать—достовѣрность и вѣроятность. Достовѣрность существуетъ тогда, когда эти основанія столь сильны, что исключаютъ возможность полагать противное. Вѣроятность же—тогда, когда они допускаютъ предполагать противное. Для изслѣдованія правды служатъ два источника человѣческаго познанія, а именно—опытъ и разумъ, которые можно разсматривать въ слѣдующихъ формахъ: внутреннее самосознаніе, непосредственный чувственный опытъ, посредственный чувственный опытъ, выводъ (deductio) и наведеніе (inductio). Источники эти сами по себѣ не представляютъ еще достовѣрности, но они составляютъ необходимыя условія, посредствомъ которыхъ субъектъ можетъ изслѣдовать правду. Основанія достовѣрности, проистекающіизъ дѣятельности источника познанія, называются доказательствами. Доказательство—это основаніе достовѣрности (3 и 4 стр.)

Во второмъ § авторъ опредѣляетъ значеніе судебнаго доказательства, различаетъ доказательства гражданскія отъ уголовныхъ, формальныя отъ матеріальныхъ, и разсматриваетъ три главныя системы изслѣдованія объективной достовѣрности, а именно—теорію законныхъ доказательствъ, систему внутренняго убѣжденія (intime conviction) и наконецъ англійскую систему (Law of evidence). Первую изъ этихъ системъ — теорію законныхъ доказательствъ—онъ подвергаетъ обстоятельной критикѣ (9—17 стр.) и высказывается въ пользу системы внутренняго убѣжденія.

Познакомивъ читателя съ этими общими понятіями, Островскій переходитъ въ 3 § къ объясненію значенія свидѣтельскихъ показаній вообще и судебнаго доказательства изъ свидѣтельскихъ показаній въ особенности. Указавъ, что свидѣтельскія показанія—это одинъ изъ самыхъ важныхъ и обильныхъ источниковъ познанія, Островскій сводитъ всѣ условія достовѣрности свидѣтельскихъ показаній къ слѣдующимъ тремъ:

1) свидѣтель долженъ быть способенъ правильно наблюдать и передавать свои наблюденія;

2) свидѣтель долженъ желать передать свои наблюденія правдиво;

3) самая передача наблюденій должна отличаться такими качествами, которыя бы убѣждали въ томъ, что свидѣтель дѣйствительно удовлетворяетъ предыдущимъ двумъ условіямъ.

Въ заключеніе этого § авторъ даетъ такое опредѣленіе судебнаго свидѣтеля: «Судебный свидѣтель—это постороннее лице, показывающее предъ судомъ по собственному наблюденію о существованіи или несуществованіи извѣстнаго дѣянія».

Въ 4 § авторъ разсматриваемаго нами сочиненія опредѣляетъ значеніе свидѣтельскихъ показаній въ уголовномъ и гражданскомъ

судопроизводствѣ и подвергаетъ подробному разбору постановленія 1341 и слѣд. стат. гражданскаго кодекса, а въ 5 § представляетъ самый краткій, но ясный очеркъ историческаго развитія значенія свидѣтельскихъ показаній въ уголовномъ судопроизводствѣ, въ которомъ упоминается и о переходныхъ формахъ свидѣтельства, а именно—о судахъ божьихъ и о соприсяжникахъ (conjuratores. Eideshelfer.)

Послѣ такого введенія, Островскій переходитъ къ изложенію законной силы свидѣтельскихъ показаній въ уголовномъ судопроизводствѣ и, обозначивъ въ 6 § этотъ вопросъ вообще, разсматриваетъ въ 7 § различное значеніе свидѣтельскихъ показаній, смотря по системѣ судопроизводства. Здѣсь авторъ обращаетъ вниманіе, что слѣдственная система, примѣняя аналитическій методъ изслѣдованія правды, заставляетъ приглашать и допрашивать въ качествѣ свидѣтелей всѣхъ лицъ, которыя, по мнѣнію суда, могутъ содѣйствовать изъясненію правды,—обвинительная же система, примѣняя синтетическій методъ изслѣдованія правды, возлагаетъ на судъ обязанность допрашивать въ качествѣ свидѣтелей только тѣ лица, которыя обозначены въ обвинительномъ актѣ. Затѣмъ авторъ замѣчаетъ, что теорія законныхъ доказательствъ, свойственная слѣдственой системѣ, при оцѣнкѣ доказательной силы свидѣтельскихъ показаній раздѣляетъ свидѣтелей на неспособныхъ (testes inhabiles), подозрительныхъ (testes suspecti) и классическихъ или достовѣрныхъ (testes classici) и опредѣляетъ, что только на показаніяхъ свидѣтелей послѣдней категоріи можно основывать юридическую достовѣрность, а также что теорія внутренняго убѣжденія, свойственная обвинительной системѣ, не придаетъ особеннаго значенія этому подраздѣленію, и потому, хотя въ нѣкоторыхъ законодательствахъ исчисляются иногда категоріи лицъ, неспособныхъ приносить свидѣтельскія показанія, но такое исчисленіе имѣетъ только значеніе руководства для суда, не ограничивая его убѣжденія. Наконецъ, въ томъ же 7 § Островскій говоритъ о свидѣтеляхъ, допрашиваемыхъ для справки (pro informatione,—pour renseignement, 269 ст. Code d'instruction criminelle). Указавъ, что эта послѣдняя категорія свидѣтелей, свойственная теоріи законныхъ доказательствъ, совершенно противорѣчитъ основнымъ началамъ теоріи внутренняго убѣжденія, авторъ замѣчаетъ, что свидѣтели для справки явились вслѣдствіе опредѣленій, что списокъ лицамъ, которыя слѣдуетъ допросить въ судебномъ слѣдствіи, долженъ быть препровожденъ сторонамъ, дѣйствующимъ въ процессѣ, заблаговременно (315 ст. Code d'instruc. criminel., 577 ст. устава уголов. судопроизводства), а затѣмъ что предсѣдателю суда была ввѣрена дискреціонная власть (pouvoir discrétionnaire), съ цѣлью обезпечить возможность воспользоваться, для изъясненія дѣла, и вновь

открытыми доказательствами, послѣ сообщенія списка лицамъ, которыя должны быть допрошены въ судебномъ слѣдствіи.

Островскій указываетъ на слѣдующіе способы разрѣшенія затрудненія, проистекающаго отъ опредѣленія 315 ст. Code d'instruction criminelle и 577 ст. устава уголов. судопроиз.:

а) или вовсе не пользоваться показаніями новыхъ свидѣтелей, не внесенныхъ въ списки, сообщаемые сторонамъ. Это рѣшеніе авторъ считаетъ противорѣчащимъ главной цѣли уголовнаго судопроизводства—изслѣдованію правды;

б) или, подражая французскому образцу, признать за предсѣдателемъ суда дискреціонную власть, а показанія новыхъ свидѣтелей признавать только за renseignement. Это рѣшеніе авторъ считаетъ болѣе подходящимъ, чѣмъ предыдущее, но не выдерживающимъ критики, по поводу смѣшенія свидѣтельскихъ показаній для справки съ системою внутренняго убѣжденія;

в) или признать за предсѣдателемъ суда дискреціонную власть, а показанія вновь допрошенныхъ свидѣтелей сравнить съ показаніями тѣхъ лицъ, которыя были обозначены въ спискѣ, сообщаемомъ, по 315 ст. Code d'instruc. criminel. и 577 ст. устава уголов. судопроиз., сторонамъ. Это рѣшеніе авторъ признаетъ еще болѣе правильнымъ, но на столько неудовлетворительнымъ, на сколько дискреціонная власть нарушаетъ безпристрастіе предсѣдателя суда;

г) или, наконецъ, подражая англійскому образцу, признать за показаніями свидѣтелей, не обозначенныхъ въ спискахъ, препровождаемыхъ сторонамъ, значеніе юридическихъ доказательствъ на столько, на сколько обѣ стороны, дѣйствующія въ процессѣ, согласятся на допросъ этихъ свидѣтелей. Это послѣднее рѣшеніе авторъ считаетъ самымъ правильнымъ, ибо оно не противорѣчитъ цѣлямъ уголовнаго судопроизводства, ни системѣ внутренняго убѣжденія, и освобождаетъ предсѣдателя отъ пагубнаго вліянія дискреціонной власти.

Намъ кажется, что и послѣднее рѣшеніе не вполнѣ удовлетворительно, ибо оно вводитъ начало произвола сторонъ, чуждое уголовному судопроизводству. Имѣя въ виду причины, вызвавшія постановленіе, обозначенное въ 315 ст. Code d'instruc. crimin. и 577 ст. устава уголов. судопроиз., можно бы рѣшить предлежащій вопросъ такимъ образомъ: о новомъ свидѣтелѣ стороны должны быть извѣщены, и если онѣ готовы допрашивать его, то допросъ происходитъ немедленно, а если нѣтъ — то допросъ происходитъ черезъ двадцать четыре часа; показанію же такого свидѣтеля въ обоихъ случаяхъ придается значеніе юридическаго доказательства. (Срав. 733 и 734 ст. устава уголов. судопроиз.)

Порѣшивъ такимъ образомъ теоретическій вопросъ, Островскій разсматриваетъ затѣмъ: пользуется ли предсѣдатель суда по уставу уголовнаго судопроизводства 1864 г. дискреціонною

властью? въ какомъ порядкѣ могутъ быть допрошены свидѣтели, не обозначенные въ спискѣ, препровождаемомъ сторонамъ? и какое значеніе показаній свидѣтелей, допрашиваемыхъ въ судебномъ слѣдствіи на основаніи 733 и 734 ст устава угол. судопроизводства?

Первый изъ этихъ вопросовъ авторъ рѣшаетъ отрицательно, хотя онъ полагаетъ, что по 612, 614, 766, 804 ст. устава уголов. судопроиз. можно бы думать, что законодатель имѣлъ въ виду даровать предсѣдателю суда дискреціонную власть.

Второй вопросъ онъ рѣшаетъ на основаніи 733 и 734 ст. устава уголов. судопроиз., такъ, что если сторона потребуетъ представленія новаго доказательства, то судъ долженъ дать противной сторонѣ возможность приготовиться къ опроверженію этого доказательства, отсрочивая въ случаѣ надобности засѣданіе, если эта послѣдняя не изъявитъ своего согласія на представленіе этого новаго доказательства.

Наконецъ третій вопросъ, авторъ, на основаніи 766, 804, 614 ст. устава уголов. судопроиз. рѣшаетъ въ пользу допущенія новыхъ свидѣтелей къ присягѣ и признаетъ за такими свидѣтелями значеніе юридическаго доказательства, такъ какъ въ уставѣ уголов. судопроиз. не упоминается о свидѣтеляхъ для справки, а безъ lex specialis невозможно предполагать ихъ существованіе. Категоріи лицъ, исчисленныхъ въ 705—708 ст. устава уголов. судопроиз., которыя не допускаются къ присягѣ, нельзя тоже считать свидѣтелями для справки, такъ какъ по 803 ст. устава уголовнаго судопроиз. объясненія предсѣдателя суда, касающіяся общихъ основаній въ сужденію о силѣ доказательствъ, имѣютъ значеніе только предостереженія отъ всякаго увлеченія къ обвиненію или оправданію подсудимаго, а по рѣшенію кассаціоннаго департамента по дѣлу Короткова (1869 г. № 535), «оцѣнка доказательной силы какъ присяжныхъ, такъ и безприсяжныхъ показаній вполнѣ зависитъ отъ суда, и стороны нисколько не стѣснены въ опроверженіи свидѣтельскихъ показаній, данныхъ подъ присягой.»

Въ 8 § авторъ разсматриваемаго нами сочиненія говоритъ объ общей обязанности давать свидѣтельскія показанія въ судѣ и о лицахъ, освобожденныхъ отъ этой обязанности. Въ послѣднемъ отношеніи авторъ говоритъ сперва о ближайшихъ родственникахъ и разсматриваетъ теоріи: освобождающую родственниковъ отъ обязанности свидѣтельствовать, и обусловливающую допросъ такихъ свидѣтелей изъявленіемъ согласія со стороны допрашиваемаго родственника. Послѣднюю теорію онъ считаетъ болѣе правильною, а даже не отвергаетъ допущенія такихъ свидѣтелей къ присягѣ, по примѣру баварскаго законодательства, требуетъ только, чтобы судья осторожно принималъ свидѣтельскія показанія родственниковъ подсудимаго, и всегда старался разслѣдовать причины, побудившія ихъ показывать въ судѣ. Затѣмъ

онъ упоминаетъ о священникахъ, которыхъ, по примѣру Bonnier. § 269, желаетъ освободить отъ обязанности показывать не только о тѣхъ обстоятельствахъ, о которыхъ они узнали при исповѣди, но даже о тѣхъ, которыя были имъ сообщены подъ тайною. Далѣе онъ исчисляетъ въ этой же категоріи государственныхъ чиновниковъ, защитниковъ, врачей и повивальныхъ бабокъ, требуя отъ нихъ присяги въ томъ, что объ обстоятельствахъ извѣстныхъ имъ, они узнали при отправленіи своихъ обязанностей, подъ условіемъ тайны, и только послѣ принесенія такой присяги освобождаетъ ихъ отъ обязанности свидѣтельствовать. Наконецъ, авторъ говоритъ объ освобожденіи отъ обязанности отвѣчать на извѣстные вопросы и разсматриваетъ постановленія дѣйствующихъ въ Царствѣ Польскомъ законодательствъ: прусскаго 11 декабря 1805 и австрійскаго 3 сентября 1803 г., а затѣмъ устава уголовнаго судопроизводства 20 ноября 1864 г.

Въ 9 § Островскій исчисляетъ и разсматриваетъ общія условія, которыя служатъ основаніемъ оцѣнки достовѣрности свидѣтельскаго показанія, а именно:

а) физическое развитіе свидѣтеля;
б) умственное его развитіе;
в) полъ;
г) нравственность свидѣтеля;
д) его вѣроисповѣданіе;
е) промежутокъ времени между наблюденіемъ и показаніемъ;
ж) расположеніе духа свидѣтеля во время наблюденія;
з) внутреннія качества показанія;
и) внѣшнюю форма показанія, т. е. поведеніе свидѣтеля предъ судомъ.

Хотя эти общія условія должны всегда руководить судьею, но законодатель, кромѣ того, долженъ опредѣлить и опредѣляетъ еще различныя ручательства достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, которыя Островскій раздѣляетъ на непосредственныя и посредственныя.

Непосредственныя ручательства опираются на условіяхъ, требуемыхъ отъ свидѣтельскаго показанія (§ 3). Первыя два изъ этихъ условій,—а именно: чтобы свидѣтель обладалъ способностью правильно наблюдать и передавать свои наблюденія, и чтобы онъ желалъ показать правдиво,—относятся къ личности свидѣтеля, и потому ручательства имъ соотвѣтствующія, носятъ названіе *субъективныхъ*, и содержатъ исчисленіе котегорій лицъ, которыя не удовлетворяютъ онымъ (неспособные и подозрительные свидѣтели). Третье условіе, а именно—чтобы сама передача наблюденій, соединяла въ себѣ качества, которыя бы доставляли убѣжденіе относительно существованія двухъ первыхъ условій,—касается

самого показанія, и потому соотвѣтствующія ему ручательства носятъ названіе *объективныхъ* а именно:

а) присяга и наказаніе за лжеприсягу;

б) собственное наблюденіе;

в) внѣшнія качества показанія;

г) внутреннія кичества показанія;

д) согласіе съ другими доказательствами;

е) число свидѣтелей.

Изъ исчисленныхъ объективныхъ ручательствъ, первыя два можно бы назвать субъективно-объективными, но такъ какъ элементъ объективный имѣетъ въ нихъ перевѣсъ, то Островскій зачисляетъ оныя къ объективнымъ

Подробное изложеніе указанныхъ ручательствъ составляетъ содержаніе всей остальной части разсматриваемаго нами сочиненія, авторъ котораго, переходя къ разбору субъективныхъ ручательствъ, опредѣляетъ сперва въ 10 § общее значеніе неспособности и подозрительности. Неспособнымъ свидѣтелемъ онъ считаетъ такого, который не можетъ правильно наблюдать или вѣрно показывать; подозрительнымъ-же такого, въ отношеніи котораго существуетъ болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе, что онъ не можетъ правильно наблюдать и правдиво показать. При этомъ онъ замѣчаетъ, что всѣхъ неспособныхъ и подозрительныхъ свидѣтелей въ уставахъ исчислить нельзя, что стремленіе къ такому исчисленію нужно оставить за наукою, руководствуясь указаніями которой, судья въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ оцѣнить, къ какой категоріи отнести даннаго свидѣтеля.

Затѣмъ въ 11 § Островскій группируетъ неспособныхъ свидѣтелей въ три отдѣла: неспособныхъ по физическимъ и умственнымъ недостаткамъ, по особенному отношенію свидѣтеля къ дѣлу, и по личнымъ его особенностямъ, не состоящимъ въ связи съ дѣломъ,—и замѣчаетъ, что неспособность можетъ быть: общая или особенная и постоянная или временная.

Къ категоріи неспособныхъ по физическимъ и умственнымъ недостаткамъ онъ зачисляетъ:

а) дѣтей, считая опредѣленіе въ законѣ возраста, до котораго дѣти безусловно неспособны показывать, невозможнымъ, и потому предлагаетъ оставить разрѣшеніе вопроса о возможности допрашивать ребенка въ качествѣ свидѣтеля на благоусмотрѣніе суда;

б) безумныхъ и сумасшедшихъ;

в) лицъ, которымъ недостаетъ чувствъ, соотвѣтствующихъ извѣстнымъ явленіямъ;

г) необразованныхъ глухонѣмыхъ, у которыхъ нѣтъ средствъ сообщаться съ другими людьми.

Ко второй категоріи неспособныхъ свидѣтелей по особенному ихъ отношенію къ дѣлу, авторъ зачисляетъ:

а) подкупленныхъ свидѣтелей, къ которымъ причисляетъ и доносчика, который за доносъ получаетъ по закону денежное вознагражденіе;

б) стороны, дѣйствующія въ процессѣ съ тѣмъ, что подсудимый не можетъ считаться свидѣтелемъ, если онъ показываетъ въ свою пользу; что прокуроръ вообще не можетъ показывать;—что потерпѣвшій отъ преступленія даже тогда, когда онъ является гражданскимъ истцемъ, не можетъ быть зачисленъ въ категорію неспособныхъ, а только подозрительныхъ свидѣтелей;—такъ что въ эту категорію собственно слѣдуетъ зачислить только частныхъ обвинителей;

в) ближайшихъ родственниковъ подсудимаго.

Къ третьей категоріи неспособныхъ по личнымъ особенностямъ свидѣтеля, не состоящимъ въ связи съ дѣломъ, имѣя въ виду постановленія законодательствъ, Островскій относитъ: лица извѣстнаго вѣроисповѣданія, и лица, приговоренныя къ гражданской смерти или другому опозоривающему наказанію, хотя онъ и не считаетъ этихъ лицъ неспособными свидѣтелями in thesi.

Въ заключеніи этого изложенія, Островскій опровергаетъ причисленіе къ категоріи неспособныхъ свидѣтелей —лицъ, исполняющихъ въ томъ же дѣлѣ обязанность прокурора, защитника, судьи или присяжнаго, ибо всѣ эти лица могутъ показывать, и быть признаны достовѣрными свидѣтелями, если они устранятъ себя отъ исполненія исчисленныхъ обязанностей по этому дѣлу.

Въ 12 §, подраздѣливъ подозрительность на общую и особенную, касающуюся способности хорошо наблюдать и показывать и касающуюся доброй воли сказать правду, Островскій къ категоріи подозрительныхъ свидѣтелей по физическимъ и умственнымъ недостаткамъ зачисляетъ:

а) дѣтей, предлагая оставить за судомъ оцѣнку степени подозрительности такихъ свидѣтелей и разрѣшеніе вопроса, когда отъ нихъ можно принимать присягу;

б) слабоумныхъ и сумасшедшихъ, а также пьяныхъ во время наблюденія, на сколько они не принадлежатъ къ категоріи неспособныхъ;

в) лицъ, у которыхъ слабы чувства, соотвѣтствующія извѣстнымъ явленіемъ;

г) глухихъ, нѣмыхъ, глухонѣмыхъ.

Затѣмъ къ категоріи подозрительныхъ свидѣтелей по особенному отношенію къ дѣлу, авторъ зачисляетъ:

1) лицъ, имѣющихъ интересъ въ исходѣ дѣла, а именно:

а) лицъ, имѣющихъ имущественный интересъ въ дѣлѣ, напр.

наслѣдниковъ подсудимаго, уплачивающихъ подсудимому ренту, если ему угрожаетъ гражданская смерть, и пр.

б) потерпѣвшихъ отъ преступленія, которые, хотя-бы и не имѣли имущественнаго интереса въ исходѣ дѣла; все таки уже по ненависти къ подсудимому и по желанію отомстить ему становятся подозрительными;

в) доносчиковъ, насколько они получаютъ денежное вознагражденіе за донесеніе, хотя и ненависть къ подсудимому, стремленіе освободить себя отъ отвѣтственности за ложный доносъ можетъ составлять поводъ подозрительности донощика.

2) Соучастниковъ преступленія.

3) Родственниковъ и свойственниковъ подсудимаго.

4) Лицъ, состоящихъ въ особенныхъ отношеніяхъ къ подсудимому а именно:

а) въ дружбѣ или ненависти;

б) въ зависимости отъ подсудимаго;

в) въ отношеніяхъ, вызывающихъ особенную благодарность или привязанность къ подсудимому;

г) состоящихъ въ той же политической партіи.

5) По отношенію къ другимъ лицамъ, участвующимъ въ дѣлѣ:

а) лицъ, находящихся въ зависимости отъ обвинителя;

б) лицъ, находящихся въ близкихъ отношеніяхъ съ потерпѣвшимъ отъ преступленія, хотя они имѣютъ очень мало интереса показывать ложно, такъ, что ихъ собственно къ категоріи подозрительныхъ свидѣтелей зачислять не слѣдуетъ;

в) лицъ, находящихся въ отношеніи зависимости отъ свидѣтеля, показаніе котораго они подтверждаютъ, если изъ самаго содержанія показанія можно заключать, что свидѣтель заучилъ показываемыя обстоятельства наизусть.

Наконецъ по личнымъ особенностямъ свидѣтеля, не состоящимъ въ связи съ дѣломъ, Островскій зачисляетъ въ категорію подозрительныхъ свидѣтелей:

а) лица извѣстнаго вѣроисповѣданія;

б) лица, подвергшіяся наказанію за преступленія, указывающія на ихъ испорченный характеръ и безнравственность, напр. клятвопреступники, клеветники, ложные донощики, злостные банкроты, мошенники и нарушившія довѣріе другихъ лицъ;

в) лица дурнаго поведенія напр. безбожныя, безнравственныя, и проч.

Сторона, во вредъ которой долженъ показывать свидѣтель, принадлежащій къ одной изъ исчисленныхъ категорій, пользуется правомъ отвести его, и если законъ это опредѣлилъ, судъ такого свидѣтеля не допуститъ къ присягѣ,—въ противномъ же случаѣ, если судьи и присяжные оцѣниваютъ достоинство представленныхъ доказательствъ по внутреннему убѣжденію, то они могутъ

не повѣрить показанію такого свидѣтеля, а при оцѣнкѣ достовѣрности его показанія должны руководствоваться указаніями науки, опытомъ жизни и судебной практики.

Послѣ такого теоретическаго изложенія субъективныхъ ручательствъ, авторъ разсматриваемой нами книги въ 13 § подвергаетъ тщательному разбору постановленія дѣйствующихъ въ Царствѣ Польскомъ уставовъ уголовнаго судопроизводства: прусскаго 1805 г. и австрійскаго 1803 г., а также судебныхъ уставовъ 20 Ноября 1864 г., пользуясь рѣшеніями кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената и новѣйшею литературою.

Во второмъ отдѣлѣ Островскій переходитъ къ разбору объективныхъ ручательствъ достовѣрности свидѣтельскихъ показаній и въ 14 § говоритъ о присягѣ и наказаніи за лжеприсягу. Указавъ на религіозное значеніе присяги, онъ высказываетъ мнѣніе, что присяга только тогда будетъ составлять дѣйствительное ручательство, когда она не превратится въ пустую формальность, и предлагаетъ слѣдующія законодательныя мѣры, которыя содѣйствуютъ сохраненію достоинства присяги:

а) съ цѣлью ограничить употребленіе этого ручательства можно не требовать присяги отъ свидѣтелей, показывающихъ маловажныя обстоятельства или по маловажнымъ дѣламъ, или оставляя за судомъ рѣшеніе, долженъ ли свидѣтель въ данномъ случаѣ принести присягу, или же объусловливая исполненіе этого дѣйствія требованіемъ сторонъ, дѣйствующихъ въ процессѣ;

б) слѣдуетъ освободить отъ присяги и довольствоваться торжественнымъ обѣщаніемъ со стороны лицъ, вѣроисповѣданіе которыхъ не допускаетъ клятвоприношенія;

в) далѣе тѣхъ, которыя уже принесли общую присягу напр. эксперты, исполняющіе свои обязанности по долгу службы.

г) наконецъ слѣдуетъ требовать отъ свидѣтеля присяги только одинъ разъ, именно въ судебномъ слѣдствіи. Въ предварительномъ слѣдствіи можно принимать присягу только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Разсмотрѣвъ затѣмъ всесторонне мотивы, Островскій приходитъ къ заключенію, что присягу слѣдуетъ принимать послѣ допроса свидѣтеля, обращая однако до допроса его вниманіе на то, что онъ долженъ присягнуть послѣ допроса, и что отказъ его, при ложномъ показаніи, подвергнетъ его наказанію за лжесвидѣтельство. Наконецъ авторъ разсматриваетъ постановленія дѣйствующихъ въ Царствѣ Польскомъ уставовъ уголовнаго судопроизводства и устава уголовнаго судопроизводства 1864 г.

Съ религіознымъ ручательствомъ достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, Островскій сопоставляетъ въ томъ же § уголовную санкцію, именно: наказаніе за лжеприсягу, требуя опредѣленія въ законодательствахъ наказанія за ложное показаніе даже въ томъ случаѣ, если свидѣтель не принесъ присяги.

Въ 15 § авторъ разсматриваетъ значеніе втораго объективнаго ручательства достовѣрности свидѣтельскихъ показаній т. е. собственнаго наблюденія, и высказываетъ мнѣніе, что только очевидцы могутъ считаться достовѣрными свидѣтелями въ уголовномъ судопроизводствѣ, и что слышавшіе могутъ быть допрашиваемы только въ исключительныхъ случаяхъ.

Въ 16 § Островскій говоритъ о внѣшнихъ качествахъ свидѣтельскаго показанія и объясняетъ значеніе требованія, чтобы свидѣтель показывалъ передъ судомъ и словесно.

Въ 17 § авторъ исчисляетъ и разсматриваетъ внутреннія качества свидѣтельскаго показанія, а именно:

а) показаніе должно быть продуктомъ убѣжденія и свободной воли свидѣтеля, а потому принужденіе, угрозы, просьбы, обѣщаніе вознагражденія, наводящіе вопросы и пр. должны быть запрещены;

б) показаніе должно быть правдоподобно;

в) наконецъ оно должно быть ясно, подробно и свободно отъ внутреннихъ противорѣчій.

Въ 18 § авторъ разсматриваемаго нами сочиненія говоритъ о согласіи съ другими доказательствами, считая оное важнымъ ручательствомъ достовѣрности и наконецъ въ 19 § о послѣднемъ объективномъ ручательствѣ именно—о числѣ свидѣтелей. Въ послѣднемъ отношеніи, разсмотрѣвъ подробно значеніе требованія—не менѣе двухъ согласныхъ свидѣтельскихъ показаній, чтобы основать на нихъ юридическую достовѣрность, обративъ вниманіе на историческое развитіе этого требованія законодательствъ, Островскій высказываетъ мнѣніе, что показаніе одного свидѣтеля, удовлетворяющее всемъ субъективнымъ и объективнымъ ручательствамъ, можетъ служить основаніемъ юридической достовѣрности, а показанія другихъ свидѣтелей, подтверждающихъ оное, только укрѣпляетъ наше убѣжденіе.

Наконецъ въ заключеніе этого втораго отдѣла въ 20 §, Островскій подробно разсматриваетъ условія полнаго доказательства изъ свидѣтельскихъ показаній по теоріи законныхъ доказательствъ прусскаго 1805 и австрійскаго 1803 г. судопроизводствъ.

Третій и послѣдній отдѣлъ своего сочиненія Островскій посвятилъ изложенію посредственныхъ ручательствъ достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, къ которымъ онъ зачисляетъ: устность, перекрестный допросъ, публичность, формы допроса, уголовное судопроизводство вообще и наконецъ уложеніе о наказаніяхъ.

Въ отношеніи формъ допроса авторъ указываетъ на необходимость предлагать свидѣтелю прежде всего общій вопросъ—что ему извѣстно по изслѣдуемому дѣлу?—на что мы уже неоднократно обращали вниманіе читателей Судебнаго Вѣстника *)

*) Сравн. Судебный Вѣстникъ 1872 г. № 180 и 1873 № 14 и 16.

Уложеніе о наказаніяхъ Островскій считаетъ посредственнымъ ручательствомъ потому, что каждый свидѣтель, сознавая, что преступленіе нарушаетъ общественный порядокъ, сознаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ свой долгъ содѣйствовать возстановленію нарушенныхъ правъ. Уложеніе однако составляетъ ручательство достовѣрности свидѣтельскихъ показаній только тогда, когда оно исключительно содержитъ въ себѣ постановленія, согласныя съ понятіями общества о преступленіи и наказаніи. Если свидѣтель долженъ показывать противъ обвиняемаго въ дѣяніи, которое по общественному мнѣнію не должно считаться преступленіемъ (напр. поединокъ, нѣкоторыя государственныя преступленія) то онъ находится въ весьма затруднительномъ положеніи; онъ долженъ избирать между своею обязанностью вѣрно показывать и чувствомъ состраданія и абсолютной справедливости, и нерѣдко даетъ перевѣсъ послѣднему. Вотъ почему уложеніе о наказаніяхъ должно быть непременно согласно со взглядами народа и запрещать подъ страхомъ наказанія, только такія дѣянія, которыя признаются преступными въ данное время, у извѣстнаго народа, и тогда только оно будетъ составлять ручательство достовѣрности свидѣтельскихъ показаній.

Доколѣ въ уголовномъ судопроизводствѣ существовала теорія законныхъ доказательствъ, научныя изслѣдованія основаній, на которыя опирается юридическая достовѣрность, были необходимы не только для правильнаго примѣненія буквы закона, но и какъ руководство разумнаго и правильнаго пониманія смысла этихъ постановленій. Съ отмѣною теоріи законныхъ доказательствъ, съ минуты, когда судьи стали рѣшать уголовныя дѣла, т. е. оцѣнивать юридическую достовѣрность,—по внутреннему убѣжденію, съ введеніемъ суда присяжныхъ,—научныя изслѣдованія, касающіяся этого вопроса, потеряли ли свое значеніе? Нисколько. Островскій, по нашему мнѣнію, совершено вѣрно, въ заключеніи своего сочиненія, замѣтилъ, что съ отмѣною теоріи законныхъ доказательствъ, задача, которой прежде удовлетворялъ законодатель, перешла теперь на науку. Несомнѣнно.—Начала оцѣнки юридической достовѣрности не зависятъ отъ опредѣленія закона, они всегда одни и тѣ-же, ибо они основаны на общихъ источникахъ человѣческаго познанія и приноровлены только прежними законными постановленіями къ опредѣленной, спеціальной цѣли. Съ устраненіемъ этихъ опредѣленій закона, основанія остались тѣ-же, а необходимость изученія ихъ сдѣлалась еще осязательнѣе, такъ какъ законъ пересталъ руководить судью въ этомъ отношеніи.

Кто же долженъ удовлетворить этимъ потребностямъ судей?—Кто долженъ руководить ими? Разумѣется—наука. Она и лучше исполнитъ эту задачу, чѣмъ законодательныя постановленія, потому, что она свободнѣе и подвижнѣе, что она можетъ поль-

зоваться пріобрѣтеніями новыхъ изслѣдованій и открытій со дня на день, а не выставляя непреложныхъ аксіомъ, которыя судьи *должны* примѣнять, руководитъ его убѣжденіе и указываетъ ему на ошибочные источники познанія, предостерегая его отъ неправильныхъ умозаключеній.

Англійская судебная практика и англійская литература, касающаяся этого предмета, служитъ лучшимъ доказательствамъ правильности нашихъ замѣчаній.

При такомъ значеніи научныхъ изслѣдованій по вопросамъ, касающимся теоріи доказательствъ, разсмотрѣнное нами сочиненіе Островскаго становится очень важнымъ пріобрѣтеніемъ для юридической литературы, тѣмъ болѣе, что правильность языка, ясность, полнота и систематичность изложенія, дѣлаютъ эту книгу доступною для каждаго мыслящаго человѣка, не чуждающагося научной литературы, и составляетъ важное руководство для каждаго юриста-практика.

Однимъ изъ спорныхъ до сихъ поръ вопросовъ въ наукѣ уголовнаго права, слѣдуетъ несомнѣнно признать вопросъ—о значеніи, содержаніи и границахъ необходимой обороны. На этотъ вопросъ въ польской литературѣ *) обратилъ недавно вниманіе *Александръ Краушаръ* въ своемъ сочиненіи п. з. «Ostanie Koniecznosci w pravie Karném». Kraków. 1868 (О состояніи крайней необходимости въ уголовномъ правѣ. Краковъ. 1868).

Въ 1872 г. вышла новая монографія по этому предмету: «O Koniacznéj obronie w pravie Karném puer *Stanislawa Jaszowskiego*. Warszawa. 1872. (*Станиславъ Яшовскій* О необходимой оборонѣ въ уголовномъ правѣ. Варшава. 1872). Содержаніе которой слѣдующее:

Сочиненіе Яшовскаго состоитъ изъ введенія и трехъ раздѣловъ.

Въ введеніи авторъ старается привести въ логическій порядокъ матеріалъ избраннаго вопроса и прежде всего говоритъ о методѣ изложенія. Онъ указываетъ, что вопросъ о необходимой оборонѣ слѣдуетъ разрабатывать по догматическому или философскому, историческому и сравнительному методу, имѣя всегда въ виду весьма богатую литературу этого предмета. Между этими методами онъ даетъ однако преимущество догматическому или философскому, но не упускаетъ изъ виду и остальныхъ. Порѣшивъ вопросъ о методѣ изложенія, Яшовскій разсматриваетъ далѣе содержаніе избраннаго предмета и, основываясь на его существѣ, дѣлитъ свое изложеніе на три раздѣла, а именно: 1) о правѣ необходимой обороны; 2) о состояніи необходимой обороны; 3) о необхо-

*) Прежде печаталъ по этому предмету свое сочиненіе *Завадзкій* п. з. Rozprawa o pravie wrasnej czyli koniecznej obrony. Warszawa u Pijarow. 1815.

димой оборонѣ (Правильнѣе сказать, объ исполненіи или границахъ необходимой обороны).

Затѣмъ во 2 § введенія, авторъ приводитъ литературу предмета, подраздѣливъ оную на монографіи, трактующія о необходимой оборонѣ, начиная съ сочиненія, *Just. Menius.* Unterricht von der Nothwehr. 1547,—и сочиненія объ уголовномъ правѣ вообще, начиная съ *Grollman* Grundsätze der Criminalrechts wissenschafft. 1805.

Въ первомъ раздѣлѣ, о правѣ необходимой обороны, Яшовскій сперва разсматриваетъ понятіе этого права въ историческомъ развитіи, въ особенности въ римскомъ, каноническомъ, древнепольскомъ, средневѣковомъ германскомъ и законодательствахъ XVIII столѣтія и взглядъ на этотъ предметъ ученыхъ, подвергая подробному разбору взглядъ *A. Geyer*'а Die Lehre von der Nothwehr. Jena 1857, который считаетъ необходимую оборону правонарушеніемъ, допускаемымъ закономъ положительнымъ и не подлежащимъ наказанію. Затѣмъ авторъ резумируетъ взгляды философовъ и криминалистовъ нашего столѣтія на этотъ предметъ, и высказываетъ свой взглядъ, а именно: онъ считаетъ необходимую оборону правомъ, а также, согласно съ *Сеттеромъ*, видомъ самопомощи, состоящей въ такомъ отношеніи къ исполнительной государственной власти, въ какомъ находится обычай къ закону положительному. По Яшовскому, необходимая оборона пополняетъ дѣятельность государства для обезпеченія права его гражданъ. Наконецъ, въ томъ же раздѣлѣ авторъ старается различить необходимую оборону отъ родственныхъ ей понятій, а именно: отъ состоянія крайней необходимости, наказанія и мести.

Въ второмъ раздѣлѣ Яшовскій трактуетъ объ условіяхъ необходимой обороны и сперва исчисляетъ эти условія по требованіямъ различныхъ авторовъ, а затѣмъ высказываетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ. По мнѣнію Яшовскаго, необходимая оборона объусловливается:

1) нападеніемъ, которое должно состоять въ положительномъ, настоящемъ и незаконномъ дѣяніи. Здѣсь авторъ разсматриваетъ значеніе *настоящаго* нападенія и указываетъ на отличительныя его черты отъ прошедшаго и будущаго, а затѣмъ подвергаетъ разбору вопроса: допускается ли необходимая оборона противъ лицъ, которымъ содѣянное не можетъ быть вмѣнено въ вину и противъ чиновника? Разсмотрѣвъ мнѣнія ученыхъ по этимъ вопросамъ Яшовскій рѣшаетъ первый положительно, второй на столько положительно, на сколько дѣяніе чиновника незаконно, т. е. на сколько чиновникъ превысилъ свою власть или, дѣйствуя, упустилъ формальности, предписанныя закономъ положительнымъ. Наконецъ авторъ старается рѣшить—лишается ли права необхо-

димой обороны тотъ, который вызвалъ нападеніе? и рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно.

2) Нарушеніемъ права, состоящаго во владѣніи лица, подлежащаго нападенію. По мнѣнію Яшовскаго, необходимая оборона служитъ для защиты всѣхъ правъ безъ исключенія: а такъ какъ въ исторіи и литературѣ онъ замѣчаетъ ограниченіе или отрицаніе необходимой обороны для защиты имущественныхъ правъ и чести, а также ограниченіе права защищать третьихъ лицъ, то эти три вопроса онъ подвергаетъ подробному разбору. Въ отношеніи каждаго изъ этихъ вопросовъ онъ приводитъ историческія замѣчанія и мнѣнія ученыхъ, отрицающихъ право необходимой обороны, а также допускающихъ оное, но съ различными ограниченіями и подвергаетъ ихъ выводы и заключенія критическому разбору.

3) Необходимостью,—которая, по мнѣнію автора, существуетъ тогда, когда нѣтъ другихъ средствъ защиты противъ нападенія, кромѣ употребленія необходимой обороны. Необходимость эта не совпадаетъ съ требованіемъ другихъ ученыхъ, чтобы нападеніе было неотвратимо государствомъ, такъ какъ кромѣ государственной помощи могутъ быть еще и другія средства противъ незаконнаго нападенія. Авторъ разсматриваетъ здѣсь еще вопросы: служитъ ли право необходимой обороны тому, кто могъ спастись отъ нападенія бѣгствомъ, или кто могъ удалиться съ мѣста, на которомъ оно угрожало, или кто могъ заблаговременно обратиться къ защитѣ законныхъ властей?

Наконецъ третій и послѣдній раздѣлъ своего сочиненія Яшовскій посвящаетъ «исполненію необходимой обороны», а именно онъ говоритъ: о предѣлахъ необходимой обороны, о превышеніи предѣловъ необходимой обороны (Excess der Nothwehr), объ обязанности довести до свѣдѣнія власти объ употребленіи въ данномъ случаѣ необходимой обороны и заключаетъ свою книгу краткимъ замѣчаніемъ о доказательствѣ необходимой обороны.

Вообще о сочиненіи Яшовскаго мы можемъ сказать, что авторъ принадлежитъ къ защитникамъ необходимой обороны, какъ права, служащаго каждому гражданину для защиты противъ всякаго правонарушенія, и что трудолюбивая работа его не отличается ни особенно важными научными результатами, ни ясностью изложенія, хотя съ другой стороны нельзя отрицать, что книга эта можетъ быть прочитана изучающимъ этотъ важный вопросъ уголовнаго права не безъ пользы.

Извѣстный своими учеными трудами *Ромуальдъ Губе* предпринялъ печатать: «Исторію славянскихъ уголовныхъ законодательствъ»; еще въ 1870 г. началъ этотъ громадный трудъ съ первой части перваго тома, объемлющаго «Исторію русскаго уголовнаго права разработаннаго по источникамъ, съ древнѣйшихъ временъ до

царствованія императора Николая I-го». Вторая часть перваго тома «Исторіи русскаго уголовнаго права» (Historya prava Karnego ruskiego, ze zródel opracowal *Romuald Hube*. Panowanie Cesarza Mikolaja I-go i Aleksandra II go. Warszawa. 1872) вышла въ 1872 г. Почтенный авторъ, въ этой послѣдней части, разсмотрѣлъ законодательные памятники, касающіеся уголовнаго права, начиная со вступленія на престолъ императора Николая I-го до новѣйшихъ временъ, до 1870 г., въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ первомъ отдѣлѣ этой части, объемлющемъ царствованіе императора Николая I-го, особенно важно изложеніе приготовительныхъ работъ, разработки проектовъ и окончательнаго утвержденія Свода законовъ (который авторъ называетъ Дигестами) 1832 г. и уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 г. Авторъ, познакомившійся съ разрѣшенія Его Императорскаго Величества съ архивами государственнаго совѣта и II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, хотя въ самомъ краткомъ очеркѣ, указалъ однако на главныхъ дѣятелей въ этихъ кодификаціонныхъ работахъ и далъ возможность, на основаніи сообщенныхъ подробностей, составить себѣ общую характеристику ихъ дѣятельности и направленій, подъ вліяніемъ которыхъ сложились эти законодательные памятники. Сравнивъ затѣмъ Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 г. со Сводомъ Законовъ, и указавъ на постановленія, отмѣняющія опредѣленія уложенія, изданныя до вступленія на престолъ Императора Александра II-го, авторъ второй отдѣлъ посвящаетъ изложенію законодательныхъ памятниковъ по уголовному праву, изданныхъ въ царствованіе Императора Александра II до 1870 г. Объяснивъ причины, вызвавшія второе изданіе свода законовъ въ 1857 г., авторъ подробно излагаетъ происхожденіе указа 17-го апрѣля 1863 года по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, и затѣмъ разсматриваетъ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями 1864 г.

Р. Губе замѣчаетъ, что уже при составленіи перваго изданія Свода законовъ 1832 г., много постановленій административно-полицейско-уголовныхъ не вошло въ составъ XV тома Свода законовъ, и что слѣдуетъ думать, хотя это нигдѣ не выражено ясно, что уже тогда предполагалось выдѣлить всѣ постановленія этого рода изъ системы уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (стр. 13). Стремленіе это становится наглядымъ съ 1839 г. (стр. 33) и имѣлось въ виду при составленіи уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 г. (стр. 49); но только въ 1864 г. стремленіе это осуществилось въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, вслѣдствіе чего, при согласованіи этого устава съ уложеніемъ о наказаніяхъ, изъ изданія послѣдняго въ 1857 г. исключено 583 статьи (стр. 129),

такъ что изданіе уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. содержитъ въ себѣ только 1711 статей.

Въ заключеніи этого отдѣла, авторъ указываетъ на новыя постановленія, вошедшія въ области уголовнаго права съ 1866 г. до конца 1870 г., отмѣняющія опредѣленія уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями; признавая же учрежденіе кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената вопросомъ первостепенной важности, онъ сопоставляетъ самыя важныя, по его мнѣнію, положенія, высказанныя кассаціоннымъ департаментомъ сената до конца 1870 года.

Въ III отдѣлѣ своего сочиненія, Ромуальдъ Губе сравниваетъ историческое развитіе русскаго уголовнаго права, съ развитіемъ онаго въ другихъ европейскихъ законодательствахъ. Окончательные выводы этого сравненія очень важны и хотя они не составляютъ новости для ознакомленныхъ съ историческимъ развитіемъ русскаго законодательства, тѣмъ не менѣе, изложенные наглядно, принесутъ не маловажную пользу для сравнительнаго изученія исторіи и вообще русскаго права и откроютъ для западныхъ ученыхъ новый источникъ, происходящій отъ весьма уважаемаго ими автора, къ усвоенію себѣ правильнаго взгляда на юридическое развитіе русскаго народа. Эти выводы автора слѣдующіе:

Уголовное право всѣхъ европейскихъ народовъ развивалось съ самаго начала до настоящаго времени однообразно.

Всѣ европейскіе народы выработали однообразныя понятія о преступленіи и наказаніи въ главныхъ эпохахъ развитія этихъ понятій, и переходъ отъ одного понятія къ другому былъ вызванъ тѣми же общественными условіями, нравственными побужденіями и цивилизаціоннымъ вліяніемъ.

Въ подробностяхъ одинъ народъ разработалъ отдѣльные вопросы тщательнѣе и до тонкостей, тогда какъ другой довольствовался болѣе общими, не столь изысканными опредѣленіями, но начала, которыя были осуществлены всѣми европейскими народами, тождественны.

Русское законодательство опередило всѣ европейскія въ замѣнѣ смертной казни лишеніемъ свободы, каторжными работами, и доселѣ еще становится образцовымъ для многихъ законодательствъ, не рѣшившихся еще отмѣнить окончательно этотъ средневѣковой, варварскій, несогласный съ новою цивилизаціею родъ наказанія.

Съ указа 17 апрѣля 1863 г. русское уголовное право, въ отношеніи тѣлесныхъ наказаній, достигло той степени развитія, на которой стоятъ законодательства первенствующихъ народовъ Европы.

О достоинствахъ разсматриваемаго нами сочиненія Ромуальда

Губе говорить нечего. Имя автора, извѣстнаго своими долголѣтними законодательными и учеными трудами, слишкомъ знакомо нашимъ и чужестраннымъ юристамъ, чтобы достоинство этого сочиненія разматривать въ нашей замѣткѣ. Прибавимъ только, что по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, почтенный авторъ не разстался съ мыслью разработать исторію славянскихъ уголовныхъ законодательствъ, и что въ продолженіи этого громаднаго труда незадолго будетъ напечатана первая часть перваго тома, объемлющаго исторію польскаго уголовнаго права.

По международному уголовному праву вышло сочиненіе *Romana Buczynskiego.* O jurysdykcyi karnéj w stosunkach międry narodowych. Warszawa. 1872 (*Романъ Бучинскій.* Объ уголовной юрисдикціи въ международныхъ отношеніяхъ. Варшава. 1872).

Въ предисловіи авторъ объясняетъ, что онъ намѣренъ дать читателю только компиляцію, систематическое сопоставленіе всего матеріала, касающагося международнаго уголовнаго права; что этотъ трудъ его подлежалъ уже разбору ученыхъ *); что возраженія, ими сдѣланныя, не убѣдили его въ необходимости вполнѣ переработать эту книгу; что онъ однако исправилъ свое изложеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; и наконецъ, что онъ, не смотря на нѣкоторые недостатки этой системы, раздѣлилъ свое сочиненіе на двѣ части, и въ первой изложилъ главныя начала международнаго уголовнаго права по дѣйствующимъ законодательствамъ и по наукѣ, а во второй свои личные взгляды на болѣе важные и спорные вопросы.

Въ первой части, замѣтивъ, что въ международныхъ гражданскихъ отношеніяхъ примѣняется преимущественно личное начало (status personalis), и что основаніемъ примѣненія законовъ уголовныхъ и полицейскихъ признается территоріяльное начало, авторъ сперва указываетъ на исключенія отъ этого общаго начала, а именно: на внѣземельность (exterritorialité), наказуемость преступленій, совершенныхъ на кораблях въ открытомъ морѣ, преслѣдованіе морскихъ разбойниковъ и юрисдикцію консуловъ на востокѣ, а затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію слѣдующихъ главныхъ вопросовъ:

§ 1. Объ объемѣ уголовной юрисдикціи государства (Umfang der Strafrechtspflege).

§ 2. О наказуемости преступленій, совершенныхъ:

а) внѣ территоріи государства;

б) противъ чужестраннаго государства и его гражданъ.

§ 3. О выдачѣ преступниковъ (extraditio, deditio).

§ 4. О правѣ убѣжища (jus asylii).

*) Сочиненіе это было представлено авторомъ юридическому факультету императорскаго варшавскаго университета *pro venia legendi.*

Вторую часть своего сочиненія авторъ дѣлитъ совершенно тождественно съ первою и подъ соотвѣтственными параграфами разсматриваетъ и разрѣшаетъ болѣе важные и спорные частные вопросы, на основаніи положительнаго и литературнаго матеріала, сопоставленнаго въ первой части сочиненія.

Въ первыхъ двухъ параграфахъ авторъ разсматриваетъ основанія наказуемости преступленій, совершенныхъ за границею или противъ чужестраннаго государства и его подданныхъ и взгляды науки на этотъ вопросъ. Указавъ на три главныя системы разрѣшенія этого вопроса, а именно: территоріяльную, космополитическую и смѣшанную, авторъ подвергаетъ критикѣ послѣднія двѣ, и объявляетъ себя защитникомъ территоріяльной системы, хотя онъ и признаетъ необходимость нѣкоторыхъ исключеній.

Въ 3 § Бучинскій разсматриваетъ вопросъ о выдачѣ преступниковъ (extradilio), и сообщивъ историческія свѣдѣнія по этому предмету, подвергаетъ разбору основанія выдачи преступниковъ, условія, при существованіи которыхъ выдача должна происходить, и форма, въ которыхъ она осуществляется. По мнѣнію автора, выдача преступниковъ можетъ имѣть только одно основаніе, а именно—трактатъ.

Въ 4 § Бучинскій излагаетъ историческій очеркъ, положенія новѣйшихъ законодательствъ и взгляды науки на право убѣжища, jus asylii и защищаетъ безусловное представленіе убѣжища заграничнымъ преступникамъ.

Рѣдко приходится встрѣтить сочиненіе, въ которое бы авторъ положилъ столько добросовѣстнаго труда, сколько употребилъ онаго Бучинскій для составленія названной книги. Всѣ вопросы, подлежащіе его разбору, разработаны всесторонне. И историческіе очерки, и постановленія европейскихъ положительныхъ законодательствъ, и самое подробное изложеніе взглядовъ ученыхъ—все это находится въ книгѣ; нельзя сказать, чтобы въ ней недоставало и личныхъ взглядовъ автора. Изложеніе чужихъ мнѣній вообще вѣрно, указанія на источники весьма обильны, предметъ и въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи очень важный и интересный; а между тѣмъ стоитъ не малаго труда прочесть это сочиненіе, и преодолѣвъ различныя трудности и очень частыя повторенія и добившись наконецъ до послѣдней страницы, приходится спросить, отчего отъ прочтенія этой книги такъ мало пользы, а чувствуется неимовѣрная усталость? Отвѣтъ на это очень простой. Если при разработкѣ авторъ принимаетъ ложную систему изложенія, то и книга его теряетъ почти всѣ свои достоинства и значеніе. Бучинскій, какъ мы замѣтили, раздѣлилъ свое сочиненіе на двѣ части и представилъ въ первой сырой матеріалъ, довольно систематическія выписки изъ сочиненій, во второй предпринялъ разрѣшить болѣе важные и спорные вопросы по избранному имъ пред-

мету. Это дѣленіе и вызываетъ затрудненія для читателя, который истощитъ свое вниманіе прежде, чѣмъ онъ въ состояніи открыть путеводящую мысль автора. Чтеніе облегчается значительно, если устранить это искуственное, неестественное дѣленіе автора, и сопоставлять сразу соотвѣтственно параграфы обѣихъ частей сочиненія. Во всякомъ, однако, случаѣ изложеніе въ содержаніи книги чрезмѣрнаго количества выписокъ вызываетъ постоянныя повторенія и принуждаетъ изучать книгу, а не читать оную, такъ что ее можно считать доступною только для лицъ, привыкшихъ къ научному труду, къ чтенію сочиненій большинства нѣмецкихъ ученыхъ первыхъ десятилѣтій текущаго столѣтія. Дѣленіе это смутило и самаго автора неоднократно, который, можно сказать, иногда невольно противорѣчитъ себѣ въ обѣихъ частяхъ своего сочиненія. Было-бы желательно, чтобы авторъ приготовилъ второе изданіе своей книги, обращая особенное вниманіе на то, чтобы сдѣлать оную доступною для читателя, облегчить его трудъ, чего онъ достигнетъ устраненіемъ этого искуственнаго дѣленія на двѣ части и устраненіемъ множества лишнихъ выписокъ изъ текста книги, перенося оныя въ прибавленія или даже просто въ выноски.

Указъ 21-го декабря 1866 г. объ исправительныхъ пріютахъ открылъ для общественной дѣятельности новое поприще и вызвалъ нѣсколько обществъ, которыя поставили себѣ задачею содѣйствовать нравственному исправленію несовершеннолѣтнихъ, приговоренныхъ къ наказанію, или же лишенныхъ опеки и правильнаго воспитанія. Къ числу этихъ обществъ принадлежитъ и варшавское общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, уставъ котораго утвержденъ въ 20 день февраля 1871 г.

Стремленіе къ нравственному исправленію малолѣтнихъ въ Царствѣ Польскомъ не новое. Еще на основаніи постановленія административнаго совѣта Царства Польскаго 20 января 1829 г., графъ Фр. Скарбекъ основалъ общество попеченія о нравственно-испорченныхъ дѣтяхъ, которое съ 1-го октября 1830 г. открыло въ Варшавѣ институтъ для дѣтей, оставшихся безъ нравственнаго попеченія, который до сихъ поръ существуетъ въ Мокотовѣ подъ названіемъ Instytut moralnie zaniedbanych dzieci *). О малолѣтнихъ другихъ категорій, нуждающихся въ попеченіи и правильномъ воспитаніи, заботятся кромѣ того заведенія различныхъ наименованій, существующія въ Царствѣ Польскомъ. Не смотря однако на то, для общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ осталась еще очень обширная сфера дѣятельности, а именно:

*) Срав. нашу статью п. з. «Варшавское общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ», въ «Судебномъ Вѣстникѣ» 1873 г. № 6.

1) малолѣтніе преступники, приговоренные судами къ наказанію;

2) несовершеннолѣтніе, подвергшіеся за упорное неповиновеніе родительской власти, развратную жизнь и другіе явные пороки по требованію родителей, заключенію въ смирительномъ домѣ;

3) малолѣтніе, учинившіе преступленіе безъ разумѣнія и вслѣдствіе того освобожденные отъ наказанія, но отдаваемые родителямъ или благонадежнымъ родственникамъ для строгаго надъ ними присмотра, исправленія и наставленія, между прочимъ и чрезъ духовника ихъ или другаго священнослужителя (ст. 144 ул. о нак. угол. и испр. 1847 г.).

4) несовершеннолѣтніе нищіе и бродяги, не имѣющіе пріюта.

Правда, несовершеннолѣтніе послѣдней категоріи находятся уже подъ покровительствомъ мокотовскаго института и другихъ заведеній, но все-таки остается еще очень много такихъ малолѣтнихъ безъ пріюта, лишенныхъ правильнаго воспитанія. Въ такихъ обстоятельствахъ, естественно, что общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ пріобрѣло довольно общую извѣстность и симпатію у мѣстныхъ жителей, и что собраніе необходимыхъ для осуществленія задачъ общества матеріальныхъ средствъ идетъ, хотя медленно, но довольно успѣшно. Но для достиженія этого необходимо было болѣе точно разработать и изъяснить задачу этого общества и по возможности всесторонне познакомить публику съ этимъ вопросомъ. Для удовлетворенія этой потребности съ 1871 г. явился рядъ публичныхъ лекцій, статей и брошюръ, посвященныхъ этому предмету. Объ одной изъ такихъ книгъ мы упомянали уже въ нашемъ «Обозрѣніи польской юридической литературы за 1871 г.» *). Изъ напечатанныхъ въ 1872 г. болѣе важныя слѣдующія суть:

Strasburger. Zakrady poprawy dla moralnie zaniedbanych dzieci u Anglii. Gazeta Warszawska. 1872. №№ 229, 230, 231 i dodatek do № 232. (*Страсбургеръ*. Заведенія для исправленія нравственно-испорченныхъ дѣтей въ Англіи), въ которой авторъ разсказываетъ свои личныя наблюденія, сдѣланныя въ англійскихъ заведеніяхъ для нравственно-испорченныхъ дѣтей.

Ehrenfeucht. Szkice sporeczne. Warszawa. 1872. стр. 66 и слѣд.

Протоколы правленія общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, печатанные въ «Gazeta Polska» 1872. №№ 257, 263, 281 и затѣмъ въ продолженіи слѣдующаго 1873 года, перепечатанные въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, и содержащіе въ себѣ мотивированныя опредѣленія правленія общества, касающіяся всѣхъ болѣе важныхъ вопросовъ устройства предполагаемой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Разработка эта

*) См. «Судебный Журналъ» 1873 г., кн. I, стр. 11.

предпринята была правленіемъ съ цѣлью приготовленія матеріаловъ для возможно лучшаго составленія проекта устава для предполагаемой земледѣльческо-ремесленной колоніи Студенецъ. Результаты этой разработки печатались потому, чтобы дать возможность всѣмъ интересующимся этимъ вопросомъ, дѣлать свои замѣчанія и содѣйствовать правленію обществу земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ къ возможно точному исполненію лежащей на немъ обязанности.

Rocznik Towarzystwa osad rolnych i przytulkow rzemieslniczych. 1872. Warszawa. 1872. (Ежегодникъ Общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ 1872 г.), въ которомъ кромѣ вступительной рѣчи и заключительнаго слова товарища предсѣдателя комитета общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника І. Вечерковскаго, отчета комитета и правленія общества за 1871 и начало 1872 г.; отчета коммиссіи, назначенной комитетомъ общества, который возложилъ на нее обязанность обозначить болѣе точно будущую дѣятельность общества; отчета коммиссіи, назначенной тѣмъ же комитетомъ, для разсмотрѣнія юридическихъ отношеній общества, и выработанія соотвѣтственнаго проекта на основаніи дѣйствующихъ въ Царствѣ Польскомъ законоположеній; писемъ; секретаря петербургскаго общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ — Рогозина, директора заведенія Ruysselède, Berneem и Winghène—Полля, директора колоніи въ Metrayde Метца, содержащихъ ихъ мнѣнія о вопросахъ, касающихся устройства земледѣльческо ремесленной колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ въ Царствѣ Польскомъ, и списковъ членовъ комитета, правленія и почетныхъ членовъ варшавскаго общества земледѣльческихъ колоній, — напечатана статья: *A. Moldenhawera.* Rys historyczny instytucyi dla nieletnich przestępcow, zebrakow, oras wlocregor za granica i w tuteiszym Kraju (*А. Мольденгаверъ.* Историческій очеркъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ, нищихъ и бродягъ заграницею и въ здѣшнемъ краѣ). Въ этой статьѣ А. Мольденгаверъ, изучившій до мельчайшихъ подробностей вопросъ о земледѣльческихъ колоніяхъ и ремесленныхъ пріютахъ, помѣстилъ бѣглый очеркъ развитія этого предмета въ Европѣ и Америкѣ и, указавъ на основанія, вызывающія необходимость общественной дѣятельности на этомъ поприще, приглашаетъ мѣстныхъ жителей къ содѣйствію дѣтямъ общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ.

A. Moldenhawer. O zakladach karnych dla nieletnich przestępcow i dzieci potrebujących opieki. Część II Przeglad Sądowy. 1872. XVII. 233—281. (*А. Мольденгаверъ.* О заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и безпріютныхъ дѣтей, часть 2) О первой части этого труда мы дали отчетъ въ «Обозрѣніи польской

юридической литературы за 1871 г.» *). Въ подлежащей второй части, авторъ характеризуетъ три главныя системы содержанія и воспитанія малолѣтнихъ, а именно: основанную на семейномъ началѣ—метрейскую, основанную на системѣ наградъ (Classen und Marken system), ирландскую, и совмѣстнаго содержанія — бельгійскую. Для наглядnаго представленія различій этихъ системъ, А. Мольденгаверъ подробно описываетъ порядокъ содержанія и воспитанія малолѣтнихъ въ Mettray, далѣе Rauchesllaus близъ Гамбурга, Niberländisch Mettray, Redhill въ нѣсколькихъ миляхъ, отъ Лондона; обозначаетъ общую характеристику и главныя начала ирландской системы по сочиненію *Monahan'a* (Transactions 1861. The protestant reformatory schools of Irland); и затѣмъ помѣщаетъ подробный разсказъ о колоніяхъ Ruysselède, Berneem и Winghène, St. Hubert, и мокотовскомъ институтѣ близъ Варшавы, которые въ послѣднее время онъ посѣщалъ и тщательно изучалъ.

Трудъ этотъ, результатъ нагляднаго, личнаго, и основательнаго изученія авторомъ упомянутыхъ заведеній, отличается многими достоинствами и можетъ служить очень полезнымъ руководствомъ для желающаго познакомиться съ этимъ вопросомъ въ общихъ чертахъ.

Наконецъ, слѣдуетъ еще, ради полноты, упомянуть о изданной нами книгѣ. *Walenty Miklaszewski.* O maloletnich przestępcach oraz Towarzystwie osad rolnych i pnysulkow rzemieślniczych. Srkie Ogolny. Warszawa. 1872. (*Валентій Миклашевскій.* О несовершеннолѣтнихъ преступникахъ и обществѣ земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ). Въ этой книгѣ, охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ различныя категоріи несовершеннолѣтнихъ, нуждающихся въ попеченіи, и разрѣшивъ вопросъ о правѣ, и обязанности общества, въ однихъ случаяхъ содѣйствовать въ различной степени воспитанію малолѣтнихъ, а въ другихъ, крайнихъ даже принять на себя попеченіе о несовершеннолѣтнихъ для правильнаго воспитанія оныхъ и пріученія къ трудовой жизни,— представивъ мотивы, оправдывающіе необходимость попеченія о малолѣтнихъ преступникахъ со стороны благоустроеннаго общества,—авторъ задается вопросомъ—можетъ ли малолѣтній быть преступникомъ? Для разрѣшенія этого вопроса, авторъ разсматриваетъ физіологическія, психологическія и педагогическія свойства четырехъ возрастовъ несовершеннолѣтія, а именно: младенчества дѣтства, отрочества и юности, и старается разрѣшить, на основаніи представленныхъ данныхъ, на сколько несовершеннолѣтніе каждаго возраста могутъ подвергаться наказаніямъ за содѣянныя ими преступленія. Затѣмъ авторъ приводитъ и толкуетъ опредѣленія уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1847 г.

*) Судебный Журналъ. 1873. I кн. стр. 11.

и позднѣйшихъ постановленій, касающихся уголовной отвѣтственности несовершеннолѣтнихъ, представляетъ результаты примѣненія оныхъ на основаніи тщательно разработанныхъ статистическихъ данныхъ за 1865—1870 г., и объясняетъ главнѣйшія причины, вызывающія каждый родъ преступленій. Изъ этой разработки оказывается, что въ продолженіи шести лѣтъ (1865—1870 г.) въ Царствѣ Польскомъ несовершеннолѣтнихъ, приговоренныхъ къ наказаніямъ, было: съ 10—14 лѣтняго возраста — 400; съ 14—21 л. отъ роду — 4,466, итого 4,866; т. е. среднимъ числомъ 811 несовершеннолѣтнихъ въ годъ. Далѣе авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію исполненія наказаній, къ которымъ приговариваются несовершеннолѣтніе и здѣсь упоминаетъ о институтѣ для нравственно-испорченныхъ дѣтей въ Мокотовѣ (Institut moralnie zaniedbanych dzieci w Mokotowie), предлагая подчинить оный обществу земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, дѣлаетъ замѣчанія о заключеніи въ монастырѣ, которое въ Царствѣ Польскомъ не было примѣнено на практикѣ, и наконецъ о заключеніи въ тюрьмѣ. Въ послѣднемъ отношеніи, указавъ на устройство тюремныхъ школъ для малолѣтнихъ преступниковъ и, на заслуги по этому предмету надзирателя варшавской главной тюрьмы Ф. Матерницкаго, авторъ приходитъ къ заключенію, что исполненіе наказанія надъ малолѣтними преступниками въ нашихъ тюрьмахъ далеко еще не удовлетворяетъ потребностямъ.

Разработавъ вопросъ о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ, авторъ привѣтствуетъ новое общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ и охарактеризовавъ задачи и цѣли онаго, приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ, которыя онъ мотивируетъ подробно:

Съ открытія земледѣльческо-ремесленной колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ правильное устройство тюремныхъ отдѣленій для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ становится настоятельною потребностью.

Въ земледѣльческо-ремесленную колонію можно принимать малолѣтнихъ не моложе 10 и не старше 15 или 16 лѣтъ отъ роду.

Съ точки зрѣнія осуществленія задачъ заведенія, нѣтъ препятствій къ тому, чтобы принимать въ колонію малолѣтнихъ до 14 лѣтъ отъ роду, хотя-бы приговоренныхъ къ самымъ тяжелымъ наказаніямъ (ст. 145 уложен. о нак. 1847).

Первоначально, до совершеннаго устройства колоніи не слѣдовало-бы принимать въ оную малолѣтнихъ рецидивистовъ.

Тѣхъ изъ малолѣтнихъ преступниковъ, которыхъ нельзя задержать въ колоніи по крайней мѣрѣ въ продолженіи двухъ лѣтъ, слѣдуетъ лишить права быть принятыми въ земледѣльческо-ремесленную колонію.

Для осуществленія главной цѣли заведенія необходимо, чтобы

воспитанники земледѣльческо-ремесленной колоніи могли получать условное освобожденіе, и чтобы и послѣ увольненія изъ колоніи состояли подъ замѣняющимъ полицейскій надзоръ покровительствомъ общества.

Для правильнаго развитія дѣятельности общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, и самой земледѣльческо-ремесленной колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ необходимо исходатайствовать разрѣшеніе вопроса о томъ, какіе малолѣтніе и въ какомъ порядкѣ должны быть переводимы въ колонію, не въ административномъ, но въ законодательномъ порядкѣ.

Малолѣтніе, освобожденные отъ наказанія потому, что они дѣйствовали безъ разумѣнія, а также малолѣтніе нищіе и бродяги, не имѣющіе пріюта, должны быть воспитываемы въ отдѣльныхъ земледѣльческихъ колоніяхъ или ремесленныхъ пріютахъ, основанныхъ на другихъ началахъ, чѣмъ земледѣльческо-ремесленная колонія для малолѣтнихъ преступниковъ.

Далѣе авторъ приводитъ причины, вызывающія преступныя дѣйствія малолѣтнихъ, указываетъ главныя основанія воспитыванія малолѣтнихъ преступниковъ, принимаемыхъ въ предполагаемую колонію, и наконецъ сопоставляетъ числовыя данныя издержекъ по основанію и содержанію земледѣльческо-ремесленной колоніи для 150—200 малолѣтнихъ преступниковъ и указываетъ на источники доходовъ, опредѣленные уставомъ общества. По этому приблизительному исчисленію, основаніе земледѣльческо-ремесленной колоніи обойдется, по крайнѣй мѣрѣ, въ 40,000 р. *), разумѣется, не считая земли и труда воспитанниковъ; а содержаніе колоніи, по крайней мѣрѣ, въ 15,000 р. въ годъ, кромѣ сырыхъ продуктовъ, произведенныхъ въ колоніи.

По судебной медицинѣ профессоръ судебной медицины краковскаго университета *д-ръ Блюменштокъ* напечаталъ:

Dr. Blumensztok. Kilka wypadków dochodzenia stanu umysłowego. Lwow. 1872 (Нѣсколько случаевъ освидѣтельствованія умственныхъ способностей). Между прочимъ авторъ приводитъ здѣсь одинъ весьма любопытный и рѣдкій случай экспертизы объ умственныхъ способностяхъ глухонѣмаго, убившаго своего роднаго брата тоже глухонѣмаго, безъ всякой, кажется, причины, которая бы объясняла его дѣйствіе.

Dr. Blumensztok. Uwagi sądowo-lekarskie o zaczadreniu. Rzecz czytana na posiedzeniu Towarzystwa lekarskiego krakowskiego w d. 16 stycznia 1872. Krakow. 1872 (Судебно-медицинскія

*) Авторъ предполагалъ строить деревянные двухъ-этажные домики, такъ чтобы въ первомъ этажѣ была мастерская, а во второмъ спальня малолѣтнихъ. Въ земледѣльческо-ремесленной колоніи Студенецъ, варшавское общество начинаетъ строить двухъ этажные каменные домики, которые обойдутся обществу почти въ 5.000 р. каждый. Разумѣется, что и основаніе колоніи обойдется почти въ трое дороже.

замѣчанія объ угорѣніи. Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи краковскаго медицинскаго общества въ 16 день января 1872 г.).

Dr. Blumensztok. Oneglad krytycsny prac s dowo-lekarzkich, ogloszonych w 1871 r. Lwow. 1872 (Критическое обозрѣніе трудовъ, по судебной медицинѣ, напечатанныхъ въ 1871 г.),—въ которомъ авторъ систематически, подъ отдѣльными рубриками, сопоставляетъ всѣ новыя пріобрѣтенія науки по предмету судебной медицины.

Dr. Mierzejewzki Wladislaw. Badania nad blona driewicza dokonane, material do rozstnygnięcia kwestyj sadowo lekarszkich o z gwalceniu, z 40 rysunkami, pomieszewnemi na dwóch chromolitografowanych tablicach. podal *Tadeusz Zlobikowzki.* Warszawa. 1872 (Д-ръ *Мержеевскій Владиславъ.* Изслѣдованія о дѣвственной плевѣ. Матеріалъ для разрѣшенія судебно-медицинскихъ вопросовъ объ изнасилованіи. Изложилъ *Ѳ. Жлобиковскій*). Сочиненіе это принадлежитъ къ самымъ важнымъ пріобрѣтеніямъ науки судебной медицины въ послѣднее время, и поэтому нельзя не быть благодарнымъ д-ру Жлобиковскому, который присвоилъ оное польской литературѣ.

Между изданіями по другимъ частямъ законовѣдѣнія мы считаемъ необходимымъ упомянуть здѣсь о слѣдующихъ сочиненіяхъ:

Dr. Jgnacy Czemerzynski. Powszechne prawo prywatne austryackie, dla wiytku dooorsenego, na wrór Ellingera ulozone. Lwow. 1872 (*Д-ръ Игнатій Гемержинскій.* Общее австрійское гражданское право).

Dr. Em. Till. O podmiorie praw i prawach bez podmiotu. Studium z driedziny prawa prywatnego. Lwow. 1872 (*Д ръ Тилль.* О субъектѣ правъ и правахъ безъ субъекта. Изслѣдованіе по гражданскому праву).

Dr. Zoll. O krytysznych badaniach tekstu zbiorow Justynianskich I. Jnstytucye. Krakow. 1872 (*Д ръ Цоллъ.* О критическихъ изслѣдованіяхъ текста юстиніанскихъ сборниковъ. I института. Краковъ. 1872 г.) Сочиненіе это принадлежитъ къ самымъ основательнымъ и важнымъ по этому предмету, и становится необходимымъ для правильнаго изученія римскаго права по источникамъ.

Juliusz Walewzki. Kodeks cywilny krolestwa polskiego (praw z r. 1825). Objasniony motywami do prawa i jurisprudencya. Kniga 1. Warszawa. 1872 (*Юлій Валевскій.* Гражданскій кодексъ царства польскаго съ изложеніемъ мотивовъ и юриспруденціи. Кн. 1. Варшава 1872).

Iózef Karpinski. Pytania prawne przes IX departament Rradzacego Senatu z 1871 t. rozstnygniste, w sprawozdaniu z crynnosii IX departamentu, w tomie XIV renycie 2. Przegladi Sądowego zamieszczone, alfabetysznym pcnadkiem, z dolaczeniem nykazu

roznych praw i portanowien w lychre pytaniach powolanych. Warszawa. 1872 (*Іосифъ Карпинскій.* Юридическіе вопросы, разрѣшенные IX департаментомъ правительствующаго сената въ 1871 г.).

Dr. Wladyslaw Dajsenberg. Dzieje filosefii prawa i panstwa, predstawione na tle driejow cywilisacyi. Tom. I resz. I. Krakow. 1872 (*Д ръ Владиславъ Дайзенбергъ.* Исторія философіи права и государства. Томъ I, выпускъ 1. Краковъ. 1872). Этотъ первый выпускъ составляетъ начало весьма обширнаго труда, который продолжаетъ печататься до сихъ поръ, и окончанія котораго ожидаемъ съ нетерпѣніемъ.

Dr. Franciszek Kasparek. Zasady Hugona Grocinska o prawie interwencyi ze stanowiska dzis efsrej nauki filos ficznego i porytywnego prawa narodow. Krakow. 1872 (*Д ръ Францъ Каспарекъ.* Основанія Гуго Гроція о правѣ интервенціи по началамъ современной науки международнаго права. Краковъ. 1872).

Dr. Gustaw Roszkowski. O poselstwach dyplomatycznych i konsulatach. Warszawa 1872 (*Д-ръ Густавъ Рошковскій.* О посольствахъ и консулатахъ. Варшава. 1872).

Dr. Franciszek. Kasparek. Zasady glowne ustaw kosciola katol'ckiego ze stanowiska filosofii prawa. Krakow. 1872 (*Д-ръ Францъ Каспарекъ.* Основанія каѳолическаго церковнаго права съ точки зрѣнія философіи права. Краковъ. 1872).

T. Thoerner. Zasady i preglad prawodawstw alwyjnych europejskich. Warszawa. 1872 (*Тернеръ.* Начала и обозрѣніе европейскихъ законодательствъ объ акціонерныхъ обществахъ).

Заключая наше обозрѣніе, мы не можемъ упустить изъ виду періодическихъ юридическихъ изданій, а именно: газеты *Prawnik* (Юристъ), издаваемой въ Лембергѣ, *Pamietnik* wydzialu prawa i administracyi w C. K. Uniwersytecie Jagiellonskim w Krakowie za r. 1872 (Памятникъ юридическаго факультета императорско-королевскаго ягеллонскаго университета за 1872 г. и наконецъ *Pszeg ad Sadowy*, pismo popularno-naukowe, posurecone teoryi i praktyce prawa.

Первое изъ этихъ изданій помѣщаетъ не объемистыя статьи, посвященныя разработкѣ теоріи и дѣйствующаго австрійскаго законодательства, а также отчеты о разрѣшенныхъ судами дѣлахъ. *Pamietnik* выходитъ одинъ разъ въ годъ и содержитъ въ себѣ объемистые ученые труды профессоровъ юридическаго факультета ягеллонскаго университета. Наконецъ *Preglag Sadowy* помѣщаетъ статьи юридическаго содержанія, преимущественно имѣющія въ виду догматическую разработку мѣстнаго положительнаго законодательства, хотя для историческаго и теоретическаго отдѣловъ отведено довольно обширное мѣсто. Въ XIV, XV, XVI и XVII томахъ, вышедшихъ въ 1872 г. видное мѣсто зани-

маетъ продолженіе «Курса гражданскаго судоустройства и судопроизводства», составленное оберъ-прокуроромъ IX департамента правительствующаго сената, д. ст. сов. *И. Хвалибогомъ*. Кромѣ того, изъ статей, вошедшихъ въ составъ исчисленныхъ томовъ, слѣдуетъ замѣтить: *dr. Roszkowski.* O zyciu Fryderyka Korola Savigny (*Д ръ Рошковскій.* Жизнь Фрид Кар. Савиньи); *Waslaw Horodynski.* O zastawie niehomym wedlug dawnych praw polskich (*Вацлавъ Городинскій* О залогѣ недвижимости по древнему польскому праву); *Filip Flamm.* Znaczenie art. 89. K. C. F. (*Филипъ Флямм*. Значеніе 789 ст. франц. гражд. кодекса); его же еще три статьи по дѣйствующему гражданскому праву; *Mieczys'aw Koszanowisz.* Ustroj państowy rzecypospolitej Nowogorodckiej (*Мечиславъ Кочановичъ*. Государственное устройство новгородской республики) и пр.

Изъ статей по уголовному праву, помѣщенныхъ въ Przegladzie Sądowym, мы упомянули уже о статьѣ *А. Мольденгавера.* Историческій очеркъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ, нищихъ и бродягъ за границею и въ здѣшнемъ краѣ. Кромѣ того заслуживаетъ вниманія статья: *Adam Kosmowski.* Poglad na dekert krola Saskiego ksiecia Warszawskiego ad. 26 Lipca 1810 r., co do oteiu oskalienia, затрогивающая одинъ изъ важныхъ и трудныхъ вопросовъ дѣйствующаго по уголовному судопроизводству законодательства.

Съ образованія княжества варшавскаго, рядомъ съ дѣйствующими по уголовному судопроизводству уставами: прусскимъ 1808 и австрійскимъ 1803 г., были издаваемы различныя законоположенія, исправляющія эти уставы, основанные, въ періодъ княжества, на французскихъ образцахъ. Между прочимъ § 13 названнаго декрета 1810 г. возлагаетъ на прокуроровъ обязанность составлять обвинительные акты. При производствѣ, основанномъ на чисто слѣдственныхъ началахъ, къ которому позднѣйшія узаконенія прибавили публичное судоговореніе, происходящее послѣ выслушанія выписки изъ акта дѣла, прочитанной членомъ докладчикомъ, защиты, прочитанной адвокатомъ, если онъ избранъ подсудимымъ или въ извѣстныхъ случаяхъ назначенъ судомъ, объясненій подсудимаго, если онъ присутствуетъ и предложеній прокурора,—судебная практика не нашла возможнымъ примѣнить это постановленіе упомянутаго декрета, тѣмъ болѣе, что, по позднѣйшимъ постановленіямъ, могла считать опредѣленіе, касающееся обвинительнаго акта, отмѣненнымъ.

Прокуроръ *Космовскій*, въ названной статьѣ, старается доказать, что 13 § декрета 1810 г. не отмѣненъ, и что вслѣдствіе того по всѣмъ преступленіямъ, за которыя въ законѣ полагается уголовное наказаніе до рѣшенія дѣла въ I-й инстанціи, прокуроры должны составлять обвинительные акты, которые вмѣстѣ со слѣд-

ственнымъ дѣломъ препровождались бы защитникамъ, и что наконецъ, производство при судоговореніи должно начинаться съ чтенія обвинительнаго акта, а заключаться предложеніями прокурора касательно примѣненія законовъ къ дѣлу, подлежащему разрѣшенію.

Мнѣніе это хотя и обратило вниманіе здѣшнихъ юристовъ, и даже подлежало тщательному разбору правительствующей коммиссіи юстиціи, не могло быть одобрено практикою, въ виду дѣйствующаго въ царствѣ Польскомъ законодательства. Мнѣніе это и вообще возбужденіе такихъ вопросовъ имѣетъ только одинъ смыслъ—полнѣйшее сознаніе, что дѣйствующіе въ царствѣ Польскомъ уставы прусскаго и австрійскаго уголовнаго судопроизводства давно уже не удовлетворяютъ мѣстнымъ потребностямъ, что жизнь ушла уже далеко отъ тѣхъ началъ, на которыхъ они основываются, и не можетъ уже совмѣститься въ формы предписанные закономъ,—однимъ словомъ, что законодательная реформа по части уголовнаго судопроизводства давно уже считается одною изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей здѣшняго общества.

2007043235